

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-38

УДК 94(798)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И РУССКОЙ АМЕРИКИ В XVII – XIX ВВ.

Ахметова А.В., Наследов В.Г.

В работе были обозначены приоритеты и методы осуществления политики Российского государства по отношению к коренному населению Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, раскрыты изменения экономического и правового статуса инородцев, а также описаны преобразования общественной структуры туземцев в процессе её вхождения в систему государственных органов власти.

В результате проведённого исследования был выявлен ряд причин изменения характера взаимоотношений центральных органов власти с коренным населением. Уравнивание осёдлых инородцев в статусе с государственными крестьянами и замена ясака на общегосударственные налоги объяснялись как спадом в добыче пушнины, так и внутренними изменениями, происходящими в туземном обществе, включающими смену экономической основы их жизни, аккультурацию с русскими переселенцами и превращение замкнутых сообществ аборигенов в земледельческие крестьянские общины.

Ключевые слова: Дальний Восток, Сибирь, Русская Америка, коренные малочисленные народы, Российско-американская компания, национальная политика.

THE EVOLUTION OF INTERRELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN STATE AND THE INDIGENOUS POPULATION OF SIBERIA, FAR EAST AND RUSSIAN AMERICA IN XVII-XIX CENTURIES

Akhmetova A.V., Nasledov V.G.

The work sets the priorities and methods of realization of policy of the Russian state towards the indigenous population of Siberia, Far East and Russian America, reveals the changes in economical and legal status of non-Russians, as well as describes the transformation of social structure of aborigines in the process of entrance thereof to the state authorities system.

Upon the performed research the series of causes of alteration of the character of interrelations between central authorities and indigenous population were revealed. The equalization of the status of domiciled non-Russians and peasants and the replacement of yasak (tribute in furs) with national tax were attributable both to furs catch decline and internal changes within the aboriginal society including the alteration of economical life basis, the acculturation with Russian colonists and the transformation of closed communities of aborigines to agricultural peasant communities.

Keywords: Far East, Siberia, Russian America, native minorities, Russian-American Company, national policy.

В современном мире всё большую актуальность приобретают вопросы, связанные с жизнью коренных малочисленных народов. Повышается уровень самосознания представителей этих народов, что находит своё выражение в создании многочисленных обществ, занимающихся воссозданием и популяризацией среди молодёжи элементов культуры и истории их предков, организуются научные конференции (в том числе международные), на которых рассматриваются вопросы, волнующие представителей не титульных наций. В некоторых случаях этим людям даже приходится самоорганизовываться и формировать

правозащитные общества, если иного способа быть услышанными они не находят. В течение двух последних десятилетий данная тенденция распространилась и на коренные народы Крайнего Севера России. Нередко, кроме экономических и культурных моментов, поднимается вопрос и о правовом положении конкретного народа или их совокупности в государстве.

В связи с этим цель данной работы мы видим в стремлении проследить эволюцию построения взаимоотношений между центральной властью и коренным населением Сибири и Дальнего Востока, а также территорий на Алеутских островах и в Северной Америке, принадлежащих Российско-американской компании.

В рамках заданной цели были выделены следующие задачи: обозначить приоритеты в политике государства по отношению к аборигенам и методы её осуществления в различные периоды; проследить изменение экономической основы деятельности представителей коренного населения и их включение в единое экономическое пространство; раскрыть процесс формирования правового статуса иноземцев и их вхождение в российский социум; описать преобразования общественной структуры туземцев в ходе её проникновения в систему государственных органов власти.

Государственная политика, направленная на освоение сибирских территорий прошла ряд основополагающих изменений с момента их присоединения к Российской империи до начала XX в. Необходимо учитывать, что долгое время не существовало общегосударственных актов, регламентировавших отношения колонизаторов и коренного населения занимаемых территорий. Тем не менее, при всей вариативности применительно к присоединению отдельных земель и народов, принципы государственной политики по отношению к аборигенам в Сибири на протяжении конца XVI – начала XVIII в. не менялись. В их основе лежало сочетание сотрудничества, главным образом, с военно-политической элитой отдельных местных общин, и насилия по отношению к тем, кто пытался сопротивляться.

Не стоит думать, что русские колонизаторы признавали военную силу основным способом достижения своих целей. Если вспомнить о колоссальных размерах осваиваемых территорий, небольшой численности казачьих отрядов, которые наряду с ещё менее значительным контингентом государственных служащих и православных миссионеров долгое время были единственными представителями русского населения Сибири, а также жёстком климате и оторванности от баз в течение многих лет, то станет ясно, что коренное население выступало скорее как помощник и учитель в противостоянии с более серьёзным врагом – сибирской и дальневосточной природой.

По современным подсчетам, за период присоединения Сибири к Российской империи в военных конфликтах с казаками погибло около 3 – 3,5 тыс. кыргызов и их кыштымов (зависимого населения), не более 1 тыс. татар, около 1 тыс. бурят, тунгусов и якутов (совокупно) и около 0,5 тыс. человек из других народов, т. е. всего около 6 тыс. человек. Предполагая, что гибли, главным образом, мужчины, которых по приблизительным подсчётам проживало в Сибири на начало XVII в. около 80 тыс. человек, можно сказать, что в ходе боевых действий погибло до 7,5 % мужского населения [7].

Ведущей целью политики в отношении коренного населения являлось ясачное обложение аборигенов, пушной налог на данном этапе имел не только финансовое значение, обеспечивая пополнение казны пушниной, но и политическое, выступая главным показателем подданства и признания русской власти. Рассматривая аборигенов, прежде всего, как плательщиков или потенциальных плательщиков ясака, государство стремилось сохранить и увеличить их число, поэтому предписывало сибирской администрации и землепроходцам поступать с ними «ласкою», а не «жесточью». Малочисленность русских вооруженных сил в Сибири, значительная удалённость друг от друга военно-административных пунктов (острогов), наличие на некоторых территориях конкурентов в лице иностранных держав, на чью территорию могли переселиться отдельные коллективы коренных народов или чьи претензии на терри-

торию Российского государства они могли поддержать, также заставляли правительство и местные власти искать мирные пути взаимодействия с сибирскими народами и даже заручаться их поддержкой.

По вышеизложенным причинам на первых порах допускалось взимание ясака в размере, на который были согласны аборигены, а также одаривание взамен ясака подарками, что напоминало дарообмен или меновую торговлю, хорошо знакомые местным жителям как способы взаимодействия с соседями. Вероятно, первоначально большинство племенных общин воспринимали ясак именно как обмен подарками, а свои отношения с Российским государством, в зависимости от восприятия ими своей военной мощи и силы русских отрядов, с которыми они вступали во взаимодействие, как равноправный союз или мирный договор. В свою очередь, русская сторона однозначно трактовала ясак как признание аборигенами своего подданства и достаточно быстро стала требовать чётко фиксированного размера ясака и переписи всех ясачноплательщиков, в результате чего ясак превращался в разновидность государственного налога. Надо учитывать, что для многих обложенных ясаком племён не было характерно изготовление прибавочного продукта, часто их готовность трудиться ограничивалось удовлетворением исключительно тех потребностей, без которых они не могли обойтись. В их традиции не было изготовления продукции впрок, что косвенно подтверждается полным отсутствием у этих людей жадности или скупости, отмечаемое многими сталкивавшимися с ними русскими людьми. В их обществе до определённого момента просто не было почвы для возникновения данных черт характера. Кроме того, звери с ценным мехом, которые интересовали сборщиков ясака, далеко не всегда были предметом охоты коренного населения и многие из них не обладали достаточными навыками для их ловли. Таким образом, сбор ясака, в отсутствие привычки к накоплению, урезал прямые и необходимые потребности обьясаченного населения, что нередко становилось причиной конфликтов с его сборщиками.

Важно понимать, что население большей части Сибири и Дальнего Востока в момент присоединения данных территорий к Российскому государству находилось на этапе первобытнообщинного строя и жили общинами, состоящими из нескольких десятков, реже из нескольких сотен, человек. Все жизненные процессы людей происходили на уровне общины и механизм «свой – чужой» воспринимался ими как противостояние «член общины – не член общины». То, что мы сегодня называем народом, представляло в тот период совокупность общин, близких друг к другу по языку и культурным особенностям, но не являвшихся политическим или социальным объединением. Границы между различными народностями Сибири и Дальнего Востока были весьма условны, а самосознание людей ещё не вышло на уровень народа и оставалось на уровне общины. Войдя в состав Российской империи, эти общины продолжали существовать как зависимые, но, тем не менее, во многих отношениях вполне самостоятельные. Люди, образующие эти социокультурные организмы, долгое время после их вхождения в состав Российского государства продолжали быть членами только этих организмов, но не российского общества. Иначе говоря, в состав государства входили не они сами, взятые по отдельности, а общины, членами которых они были. То есть вхождение туземцев в российское государство до определённого момента было не прямым, а косвенным.

С конца XVI в. до второй половины XVIII в. сибирские аборигены официально именовались «иноземцами». Этот соционим применялся как обобщенное наименование жителей всех иностранных государств. Таким образом, в этот период коренное население территорий Сибири и Дальнего Востока воспринималось не как часть российского общества, но как жители колоний, выплачивающие дань метрополии. Российское правительство требовало лишь формального признания своей власти и выплаты ясака, не пытаясь внести изменения во внутреннюю структуру аборигенного общества. Влияние русской администрации на внутреннюю жизнь аборигенов ограничивалось, как правило, только разрешением конфликтов между русским и аборигенным населением

и расследованием политических («измена», «бунт») и наиболее крупных уголовных преступлений. Лишь фискальными задачами определялась в этот период и религиозная политика. Поскольку крещенные иноземцы, как правило, исключались из числа ясачноплательщиков, в целях сохранения большей численности последних государством было запрещено насильственное крещение и не проводилась массовая христианизация.

В XVIII – XIX вв. правительственная политика в отношении коренных народов существенно изменилась. В Сибири увеличивалось славянское население за счет земледельческой миграции, естественного прироста, ссылки и ассимиляции. Падение пушного, прежде всего соболиного, промысла и приоритетное внимание правительства к развитию в Сибири земледелия, горнодобывающей промышленности и торговли как основных источников пополнения казны привели к тому, что государство стало рассматривать аборигенов не только как ясачноплательщиков – поставщиков пушнины, но и как потенциальных хлебопашцев.

Идеологическим обоснованием политики, направленной на включение коренного населения Сибири и Дальнего Востока в российское общество, стали идеи патернализма и Просвещения, взятые на вооружение самодержавием в ходе европеизации и бюрократизации государства, осуществленной в XVIII в. Сибирские народы стали рассматриваться как «дикие», за ними не признавалось право на самобытное развитие, их требовалось просвещать, цивилизовать и приобщать к государственному правопорядку и русской культуре, прежде всего, христианству, оседлости и земледелию. Следствиями новаций стали постепенный отказ государства от особого (ясачного) статуса аборигенов и стремление уравнивать их по социально-правовому положению с русским крестьянством, полностью включив тем самым в российских социум.

Со второй половины XVIII в. государство берет курс на ликвидацию автономии аборигенных обществ путем фактического включения их традиционных институтов власти в существующую социальную структуру. Избегая от-

крытого вмешательства во внутренние дела общин аборигенов, власти пошли по пути усиления административной роли родоплеменной знати. Передача сбора ясака в руки родоначальников усиливала их позиции в аборигенном обществе. Им выдавались специальные знаки административного достоинства – медали, значки, мундиры, кортики и т. п., а у кочевых народов – иногда и чины, соответствовавшие низшим классам «Табели о рангах». Однако, получая от государства официальные права на управление сородичами, родоначальники утрачивали остатки политической автономии и превращались в особый разряд государственных чиновников.

В целях достижения конфессиональной сплоченности сибирского населения и превращения аборигенов в настоящих подданных православного монарха стала проводиться политика их массовой и даже насильственной христианизации. В Сибирь были отправлены специальные духовные миссии. С 1703 г. прекращена практика освобождения от ясака при принятии крещения, но с 1720 г. новокрещеным стали предоставлять 3-летнюю льготу по уплате ясака. Правительственная политика в отношении буддизма и ислама из неприязненной в первой трети XVIII в. (запрет их распространения, ограничения в строительстве мечетей, дацанов, кумирен) стала терпимой, но ориентированной на то, чтобы поставить обе религии под контроль государства и оградить российских подданных – мусульман и буддистов – от религиозно-идеологического влияния из-за границы. Из официальной лексики постепенно исчезает термин «иноземцы», который с начала XVIII в. был заменён соционимом «иноверцы», а с конца XVIII в. – «инородцы» [1].

Во второй половине XVIII в. Российская империя включила в сферу своих интересов новые территории. Российские купцы открыли для себя Алеутские острова, а несколько позже Северо-Западное побережье Северной Америки как богатые уголья для добычи пушнины и морского зверя. С течением времени здесь сложилась новая для России форма добычи мехов через самостоятельное формирование промысловых партий из местного населения. Управле-

ние новыми территориями и их населением с 1799 г. строилось через Российско-американскую компанию (РАК), появившуюся в результате сочетания интересов отечественных предпринимателей и царской бюрократии. Тесная связь с государством и собственное монопольное положение РАК в Русской Америке самым непосредственным образом сказались на специфике социально-экономических отношений в заокеанских колониях России.

Главная особенность построения отношений Российского государства через посредство РАК с жителями вышеназванных территорий состояла в том, что туземцы Русской Америки не платили ясак государству. Вместо этого они были обязаны работать в пользу Российско-американской компании. Такая система эксплуатации подчинённых РАК туземцев сформировалась не сразу. Одним из её источников было так называемое «задалживание» алеутов, получавших аванс товарами и отработывавших его, постепенно оказываясь в кабале. Другой источник – прямое насилие, когда русские промышленники силой заставляли жителей того или иного алеутского поселения идти на бобровый промысел. Из этих двух корней и выросла своеобразная система эксплуатации, утвердившаяся в Русской Америке, которая включала деление населения на множество категорий, формы зависимости каждой из которых были различными [3, с. 41].

Наряду с отличиями в системе управления аборигенами на материке и в Русской Америке можно обнаружить и схожие тенденции. Также как и в случае с сибирскими иноземцами администрация Российско-американской компании осуществляла постепенное включение туземной системы власти в общегосударственную, делая своими посредниками в управлении местную знать (тойонов). Но вместе с увеличением полномочий, повышением социального и имущественного положения тойонов в среде своих соплеменников возрастала и зависимость самих тойонов от Компании, делая их низовыми чиновниками государственного аппарата.

Как на материке, так и в Русской Америке государство пыталось ограничить утечку пушнины в частные руки, а также насилие по отношению к местному населению и его «похолопление», т.е. введение части туземцев в кабальную зависимость, поскольку и то и другое значительно снижало возможности аборигенов по снабжению пушниной казны. Одной из причин создания Российско-американской компании было стремление сдержать своеволие отдельных купцов и поставить их под прямое управление государственного аппарата.

В целях борьбы со злоупотреблениями местной администрации правительство не раз посылало в Сибирь следственные комиссии, публично демонстрируя тем самым свое стремление защитить ясачных людей от произвола, но на деле проявляя в первую очередь заботу о своих казенных интересах. Итогом ревизии, проведённой в Сибири в 1819 – 1821 гг. М.М. Сперанским, вскрывшей разгул чиновничьего самовластия, стала широкомасштабная реформа управления Сибири.

В 1822 г. был принят общероссийский правовой акт – «Устав об управлении инородцев» [6, с. 394 – 417]. Устав представлял собой редкий для своего времени образец законодательного творчества, в котором делалась попытка юридического определения положения коренного населения колонизируемой страны [2].

В Уставе впервые в отечественном законодательстве был чётко определён статус инородцев в составе населения Российской империи. Инородцами были названы все обитающие в Сибири «инородные племена», которые выплачивали царскому правительству ясак. Все они были разделены на три разряда: осёдлые, кочевые и бродячие [5, с. 45].

Осёдлые инородцы, основным занятием которых было земледелие, ремесло и торговля, были уравниены в правах с русским населением и подчинены всем законам Российской империи. Те из них, кто занимался земледелием, включались в состав государственных крестьян. Они должны были нести все

подати и повинности, что и прочие государственные крестьяне в России, исключая рекрутскую повинность.

Всё это было связано с теми изменениями, которые произошли с момента их присоединения к Российской империи в земледельческих предклассовых обществах Сибири. Эти общества исчезли как самостоятельные культурно-языковые организмы, и на их месте оказалось множество крестьянских общин. В результате люди, которые ранее жили в составе этих культурно-языковых организмов и были подчинены российским законам опосредовано, через свои локальные органы управления, теперь прямо вошли в российское общество. Включение инородцев, занимающихся земледелием, в число государственных крестьян означало юридическое оформление их прямого вхождения в состав российского государства.

Что же касается тех обществ, которые жили охотой и рыболовством, а также тех, что базировались на скотоводстве, то они всё ещё продолжали сохраняться. Это было замечено законодателями и нашло выражение в созданном ими законе. Кочевые инородцы были объявлены особым сословием, равным с крестьянским, но отличным от него формой управления. Это отличие состояло в том, что они управлялись по собственным законам и обычаям собственными родоначальниками и почётными людьми.

Суду по законам Российской империи подлежали лишь уголовные дела, но таковыми в применении к инородцам считались лишь: 1. Возмущение; 2. Намеренное убийство; 3. Грабёж и насилие; 4. Делание ложной монеты и вообще похищение казённого и общественного имущества. Все прочие дела, включая и кражу, подлежали либо суду посредников, либо суду родового управления.

О третьем разряде в уставе было сказано, что «права бродячих инородцев или ловцов, живущих в рассеянии, вообще состоят в применении правил, для кочующих постановленных» [6, с. 397]. И они тоже должны были управляться по собственным законам и обычаям.

Но, кроме основных разрядов инородцев, в Уставе были названы ещё два дополнительных. Один из них составляли инородцы «несовершенно зависящие от правительства», а именно чукчи и эвенгские двоedanцы. А другой – аборигены Курильских и Алеутских островов и прибрежные жители Северной Америки. Выделение инородцев, живущих в Русской Америке в отдельную категорию объясняется как вышеописанными особенностями их зависимости от РАК, делавшее невозможным причисление их ни к одному из разрядов, так и иной направленностью экономической политики государства в отношении данного региона. Если в Сибири и на Дальнем Востоке промысел зверей с ценными сортами шкур как важная статья государственных доходов во многом исчерпал себя к XIX в., в связи с резким падением количества пушного зверя, вызванным его хищническим отловом в течение нескольких столетий, и была сделана ставка на расширение земледельческой деятельности, то пушные ресурсы Русской Америки ещё продолжали приносить огромную прибыль, хотя и здесь добыча пушнины постепенно начинала снижаться.

Тем не менее, в «Правилах» Российско-американской компании, принятых в 1821 г. мы видим многие тенденции, которые были обозначены в «Уставе об управлении инородцами». Так, в «Правилах» Компании элементы грубого внеэкономического принуждения отходят на второй план и заменяются патерналистской политикой опеки коренного населения со стороны колониального начальства. «Правила» милостиво позволяли не находящимся на компанейской службе туземцам добывать для себя пропитание в окрестностях своих селений, но отлучаться даже в соседние районы им было запрещено без особого на то дозволения колониального начальства. Другими словами, зависимое туземное население было юридически закрепощено. Тогда же было упразднено каюрство (рабство) как социально-экономический институт и было официально запрещено заставлять женщин и подростков трудиться бесплатно, хотя такая практика существовала ещё долгое время [4, с. 66].

Несмотря на всё это, коренное население Алеутских островов и северо-западного побережья Северной Америки так и не стало частью российского общества. Данный регион был совершенно не пригоден к развитию земледелия (что доказывают неудачные опыты проведённые РАК в процессе попыток провести диверсификацию экономической деятельности) [8, лл. 84об – 86об], в результате чего экономической основой жизни людей оставались исключительно присваивающие формы хозяйственной деятельности. Кроме того, на данных территориях не проводилось переселение российских колонистов (всё русское население Русской Америки состояло из служащих компании) и, соответственно, не была создана основа для аккультурации местного населения с российским этносом, а отдельные миссионеры не были способны эффективно решить данную задачу.

В целом, политика государства по отношению к населению, жившему на обширных территориях, присоединённых к Российской империи с XVII по XIX вв. претерпела ряд эволюционных изменений и, с течением времени, из аморфной и идеологически размытой становилась все более осознанной и целенаправленной. Она прошла длинный путь от военно-колониальных методов управления коренным населением к административно-территориальной системе управления по общероссийскому образцу и изменению социально-правового статуса и хозяйственно-культурного типа аборигенов, способствовала их окрестьяниванию, аккультурации и ассимиляции с русскими, включению в государственно-правовое пространство империи и к ликвидации особого сословия «иностранцев».

К окончанию XIX в. государством была в целом решена задача включения в российский социум людей, которые до XVII – XVIII вв. проживали на огромных пространствах с весьма ограниченными экономическими и культурными связями, при фактическом отсутствии политических и экономических связей. Эти люди, к моменту присоединения территорий, на которых они проживали, к Российской империи, существовали в условиях догосударственных со-

обществ и находились на разных этапах разложения первобытнообщинного строя. Экономическая основа их жизни включала в себя как производящее, так и присваивающее хозяйство при преобладании последнего.

Большинство инородцев перешло к осёдлому образу жизни с земледельческой основой хозяйства и в «Уставе об управлении инородцами» были уравнены в правах и обязанностях с русским населением, исключая их освобождение от военной службы. Таким образом, в конечном итоге, в Сибири и на Дальнем Востоке было сформировано единое экономическое и этнокультурное пространство. Что касается кочевых и бродячих инородцев, то они, в силу иной экономической основы жизни и проживании отдельно от русского населения, не сумели окончательно стать частью российского социума и продолжали сохранять традиционные формы местного самоуправления, которые служили посредническими между жителями отдельных общин и государством. Решать эти задачи в будущем предстояло советскому государству.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0482 «Национальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1917 - 1991 гг.)»

Список литературы

1. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири: специализированное научно-справочное энциклопедическое издание. URL: <http://russiasib.ru/aborigennaya-inorodcheskaya-politika-r/> (дата обращения: 20.07.2013).

2. Ахметова А.В. Социально-экономическая политика и законодательное оформление царской властью жизни аборигенного населения Дальнего Востока в XIX – начале XX вв. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/akhmetova.pdf> (дата обращения: 20.07.2013).

3. Гринёв А.В. Ещё раз о судьбе Русской Америки // Русская Америка и Дальний Восток, конец XVIII в. – 1867 г. К 200-летию образования Российско-Американской компании: материалы международной научной конференции. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2001. 467 с.

4. Наследов В.Г. Колонизационная политика Российско-американской компании на Аляске и в Калифорнии в 1799 – 1867 гг. // Россия на пересечении пространств и эпох : материалы Второй международной междисциплинарной научной конференции молодых ученых. М.: Ленанд, 2013. С. 63 – 69.

5. Национальная политика в императорской России : Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки / сост. Ю.И. Семенов. М. : Старый сад, 1998 . 376 с.

6. Полное собрание Законов Российской империи. Собрание первое. В 50 т. Т. 38. 1822 – 1823. СПб. : II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1354 с.

7. Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI – XX вв. // «Сибирская заимка»: электронный журнал. 2001. №2. URL: http://zaimka.ru/to_sun/moskalenko1.shtml (дата обращения: 28.03.2013).

8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1026. Лл. 84об – 86об.

References

1. <http://russiasib.ru/aborigennaya-inorodcheskaya-politika-r/>
2. Akhmetova A.V. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*, no. 11 (2012). <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/akhmetova.pdf>
3. Grinev A.V. *Russkaya Amerika i Dal'niy Vostok, konets XVIII v. 1867 g. K 200-letiyu obrazovaniya Rossiysko-Amerikanskoy kompanii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [America and the Russian Far East, the end of the XVIII century. In 1867 the 200th anniversary of the Russian-American Com-

pany: Materials of the international scientific conference]. Vladivostok : IIAE DVO RAN, 2001. 467 p.

4. Nasledov V.G. *Rossiya na peresechenii prostranstv i epokh : materialy Vtoroy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh* [Russia at the intersection of spaces and times: Proceedings of the Second International interdisciplinary scientific conference of young scientists]. M.: Lenand, 2013. pp. 63-69.

5. Semenov Yu.I. *Natsionalnaya politika v imperatorskoy Rossii : Pozdnie pervobytnye i predklassovye obshchestva Severa Evropeyskoy Rossii, Sibiri i Russkoy Ameriki* [National policy of imperial Russia: The late prehistoric and predklassovye Society of the North European Russia, Siberia and Russian America]. M. : Staryy sad, 1998 . 376 s.

6. *Polnoe sobranie Zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 38. 1822 – 1823. SPb.: II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 1354 p.

7. *Sibirskaya zaimka*, no. 2 (2001).
http://zaimka.ru/to_sun/moskalenko1.shtml

8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* []. F. 1385. Op. 1. D. 1026. Ll. 84ob – 86ob.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ахметова Анна Валинуровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

ул. Ленина, 21, Комсомольск-на-Амуре, Россия

wyrds@rambler.ru

Наследов Вадим Георгиевич, студент

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

ул. Ленина, 21, Комсомольск-на-Амуре, Россия

vadim_91_@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Akhmetova Anna Valinurovna, PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Sciences

Komsomolsk-on-Amur State Technical University

21, ul. Lenina, Komsomolsk-na-Amure, Russia

wyrds@rambler.ru

Nasledov Vadim Georgievich, Student

Komsomolsk-on-Amur State Technical University

21, ul. Lenina, Komsomolsk-na-Amure, Russia

vadim_91_@mail.ru

Рецензент:

Бобышев Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»